На плечах синеокой зари

> О своих переживаниях, любви к людям и родному краю Юрий Понимасов рассказывает в книге «На излуке времен»

ИМЯ Юрия Понимасова известно в литературных кругах Магнитки уже свыше тридцати лет. После службы в армии навсегда осев на Урале, он душой остался верен родному Прииртышью. Большинство его стихов посвящены буйной стихии сибирской природы и суровому быту таежных аборигенов.

Долгие годы работал Юрий экскаваторщиком на стройках города. Был постоянным членом литературного объединения «Магнит». Его подборки публиковались в периодической печати, были включены в литературные сборники «По тонкому льду» и «В кругу откровений». Готовится к изданию книга «На излуке времен», стихи из которой предлагаем вниманию читателей.

***

Был он добрый пимокат,
Знал отменно дело:
Вся деревня в сорок хат
Ноги в зиму грела.
Он в японскую ходил,
На гражданской тоже
Неприятеля громил –
Рубцевалась кожа.
А в последней – мировой
Шел в бои санбратом,
Присягал стране родной
Клятвой Гиппократа.
Помню: валенки свалял
Мне после Победы...
Сутки с ног их не снимал,
Восхищался дедом.
Лето вздрогнуло росой
В серости рассвета:
Шел за гробом я босой –
Хоронили деда.

***

Не судачь по мне, сорока,
Погоди, не стрекочи.
Весть худую с перепека,
Не дай Боже, накричишь.

Не трещи, прошу, кокетка,
Не волнуй почем зазря,
Доброхотица-соседка,
Ну хотя б до января.

Заведут твои рулады
Под крестовые холмы –
Холить пьяные обряды,
Плакать нудные псалмы.

***

Где речушки исток,
тихо-тихо ночами,
в изобилии трав и забытых лугов,
Там никто не коптил ни махрой,
ни печами,
только прятал камыш
золотых окуньков.

Камыши, камыши...
Как же здесь целовались
мы с Наташкой тайком,
восемнадцати лет,
и до первой росы
в полумраке шептали
то ли клятвы слова,
то ли песни куплет.

Придорожная пыль
оседает на плечи,
тайных тропок следы
мхом давно поросли.
Опустела земля,
и печалиться нечем,
годы все замели, воды все унесли.

***

Не виню его, не проклинаю,
Свет очей, которыми раним...
Почему же сердце изнывает,
Уплывает лебедем не к ним?

Две подушки стынут в изголовье,
Позабыв родные голоса...
Пропадите пропадом с любовью,
Даже с той, что выдумал я сам.

Новый день придет
со старой лаской,
Чудный свет прольется мне в глаза
Колдовскою нежностью
славянской...
Только вот дотронуться нельзя...

Не виню его, не проклинаю,
Свет очей, чего греха таить?
Но вот как ее порвать, не знаю –
Видимо-невидимую нить.

КОЛЛАЖ > КСЕНИЯ СЕРГЕЕВА

***

На плечах синеокой зари –
В край несметных
для сердца чудес...
Все, что хочешь, в глаза говори,
Отпусти только в сказочный лес.
В серебре белоствольных берез
Под напев говорливых осин
Упиваться дыханием рос,
Удивляться пожару рябин.
Там подолгу не вянут цветы,
Там деревья стоят до небес,
Где повсюду, любимая, ты...
Отпусти меня в сказочный лес –
Заблудиться у края села
В паутине святой красоты...
Помнишь, иволга друга звала?
Я хочу, чтоб откликнулась ты.
За порывы желаний прости,
За иллюзию прежних чудес...
Отпусти на денек, отпусти
В колдовской и таинственный лес.

***

Отпоет по городу февраль,
Отшустрит гулякой степняковым,
И такая выяснится даль –
Тишь да гладь,
что не опишешь словом.
Сам себя возвышу на краю
У соблазна горного откоса...
Не в аду живем и не в раю –
На планете круглого вопроса.

***

Молчи, прошу, обидного не надо.
Как нам теперь
наладиться в дому?
Споткнулся я, а ты как будто рада
Неловкому паденью моему.
И в толчее бесплодной,
бесполезной
Как будто тычешь пальцем
прямо в глаз,
Не видя то,
что мы уже над бездной,
Где сто разлук исплакались по нас.

Миг отсчета

День рожденья –
миг отсчета времени
Твоего на секторе земли.
Молодость вошла,
ты стал уверенней,
Сердцу благородным быть вели.

А вокруг – весна, такая ранняя,
Заневестились под липами цветы,
И сбываются у девушек желания,
И у юношей сбываются мечты.

Солнце, щурясь,
смотрит по-особому,
Чуть слезится искорками глаз.
Торопи себя навстречу доброму,
Пусть оно всегда пребудет в нас.

День за днем

И все-то розни никакой:
Как бубен, грохают трамваи,
Что завтра ждет – пока не знаю,
Далек светлейший выходной.
А день блажен уже с утра,
Как не проспавший
честный дворник,
Не потому ль сегодня вторник,
Что понедельник был вчера?
Зорюет небо над тобой,
Работа и опять работа –
Кто с холодком, а кто до пота,
Но вот и смена. За ворота –
Один в пивбар, другой домой.

А третий, вывернув причины,
Все чьи-то мучает грехи...
И расползаются ворчины,
И начинаются стихи.

***

Будто нечаянно пришлою гостьей,
Слезы роняя на блеклые окна,
Что же ты плачешь,
красавица-осень?
И без того все в природе промокло.

И без того душат
скорбные спазмы
В мрачном убранстве
родного жилища,
Дерзким мерилом
слепого маразма,
Где наша жизнь
бездуховна и нища.

От назиданий религии нрава
Не с кем обидой
своей поделиться.
Трепетно вымолить
грешное право
Пасть за окно, вниз лицом,
и – разбиться

ВЛАДИЛЕН МАШКОВЦЕВ

Пушкарь Егорий

ВОЗЛЕ самого синего моря, во славном городе Гурьеве жил блаженный пушкарь Егорий. Иногда отливал он пушки-пищали из меди и продавал их казакам.

А блаженным Егория прозвали потому, как он лепил и мортиры шутейные, из глины. Соорудил дед Егорий крепость из камней. И поставил перед ней сто пушек глиняных. Глина – не медь, не железо. Из глиняной пушки не выстрелишь. Развалится пушка.

И проходили мимо крепости корабли. И смеялись купцы:

– Егорий блаженный к войне готовится. Пушки из глины лепит!

Но хитроумный Егорий наладил однажды из меди громадную пушку о двенадцати стволах. Привез он громадину огнеплюйную во свою крепостушку. И обмазал он мортиру глиной. Да заготовил порох, сечку железную и ядра убивные.

А бусурмане в то лето порешили разграбить амбары гурьевские. Купцы им поведали, что место богато, а обороны нету. Мол, стоят пушки там, но из глины вылеплены. Сели на корабли бусурмане, подплыли к берегу казачьему. И сошли они с войском, с барабанами оглушными, с хоругвями бусурманскими.

Казаки залегли в цепь с пищалями-ручницами, с ружьями самодельными. Но войско нехристей двинулось не на казаков, а на крепостушку Егория. Перекрестился атаман с печалью:

– Вот и погибель пришла к нашему Егорию-блаженному. Поднимут его бусурмане на пики.

А Егорий набил порохом стволы пушки-страшилы. Зарядил он их сечкой железной и ядрами. Но на один ствол не хватило сечки. Тогда Егорий вытащил из-за пояса свой кошель с червонцами золотыми. И зарядил он ствол монетами золотыми да гривнами серебряными.

Зажег пушкарь на решетке подвижной все двенадцать фитилей. И ждет, не стреляет. Подошло войско вражье кучно. Вплотную почти к шутейной крепостушке Егория.

– Сдавайся в полон, воевода! – крикнул толмач Егорию. – Мы помилуем тебя! Будешь воду возить в нашем обозе!

– Не подходите, выстрелю! – заломил шапку пушкарь.

– Ха-ха! У тебя же пушки из глины! – засмеялись бусурмане.

А Егорий отвечал:

– Зарядил я пушечку динарами, да царскими ефимками, да гривнами серебряными рублеными!

– Мы на кол тебя посадим! – разгневался визирь бусурманский.

И ринулось вражье войско на крепостушку Егория. А он подвинул коловорот с горящими фитилями к запалам пушечным. И загремела устрашительно мортира. И полетели убивно из стволов сечка железная, ядра и червонцы золотые. Полвойска бусурманского сразу замертво полегло. А визирю глаз динаром выбило. Тут и казаки с боков стрелять начали. Полк из засады вылетел конно. Всех бусурман перебили.

Подошел атаман к Егорию с поклоном:

– Сколь потребуешь, пушкарь, с казны войсковой за мортиру о двенадцати стволах?

Покарябал Егорий затылок и ответил:

– Давайте полушку за пушку. Пойду в шинок. Куплю винца кружку!

И отдал писарь из казны казачьей Егорию медную полушку

> **Поэту посредственных строчек ввек не простят ни люди, ни боги, ни книжные лавки.** ГОРАЦИЙ